

Н.П. Дворцова

Между Европой и Азией: сибирское путешествие Михаила Пришвина

В истории Тюмени Пришвин, писатель, философ, путешественник, занимает свое особенное, никем не заменимое место. Имя его стоит в ряду таких выдающихся сынов тюменской земли, как С.У.Ремизов, П.П.Ершов, И.Я.Словцов.

Пришвин воссоздал облик Тюмени и судьбы тюменцев, в том числе таких знаменитых, как И.И. Игнатов, И.Я. Словцов, в своих произведениях, а значит, навсегда сделал наш город героем великой русской классической литературы, частью национального и планетарного культурного пространства.

На «капризно-хаотическом» пути по родной земле Тюмень для Пришвина, родившегося в Орловской губернии, а духовной родиной считавшего Петербург, была маленькой, но приметной точкой. Пришвин провел в Тюмени юношеские годы (1889-1892), приезжал сюда уже известным писателем в 1909 г.

В Дневнике на протяжении всей жизни, вплоть до последних лет, Пришвин множество раз обращается к теме Тюмени, пытаясь понять ту роль, которую город сыграл в его судьбе. О Сибири и Тюмени он писал во многих своих произведениях: «Черный араб», «Заворошка», «Кашеева цепь», «Печальный черт, или Ночь перед Рождеством».

Поездка в Тюмень в 1889 г. стала для шестнадцатилетнего Пришвина первым путешествием: из Ельца, родины писателя, через пол-России, на Урал и в Сибирь. Путешествие стало для него встречей с реальной Азией, которая в «детских грезах и мечтах» виделась ему чудесной и таинственной землей свободы и счастья – «новой Америкой».

В страну мечты Пришвин вместе с тремя товарищами пытался убежать уже в первом классе гимназии. Друзья отправились туда на лодке по реке Сосне. Путешествие оказалось коротким и неудачным. «В душе отчаяние, что Америки нет», – писал впоследствии Пришвин. Побег в «Америку» гимназиста-Пришвина поддержал только учитель географии, великий русский писатель и философ В.В.Розанов, слова которого «Это хорошо, это необыкновенно» крепко запали в душу юного Пришвина.

Страну мечты – «страну без имени, без территории», куда ведет развет что волшебный колобок, Пришвин называл по-разному: Азию и Америку

сменили страна непуганых птиц, град Китеж, Берендеево царство, Дриан-дия, Журавлиная родина, Невидимая Россия. Пришвин не переставал искать и творить эту страну в течение всей жизни. Этой важнейшей чертой своего творчества он причастен к национальной русской традиции иска-ния Града Невидимого, традиции правдоискательства, народного странни-чества и интеллигентского скитальчества.

«Чувство дали» и путешествия по России (в Тюмень и Сибирь, на рус-ский Север, к Светлому озеру и граду Китежу, в Крым, на Урал, на Даль-ний Восток, по планете Земля вокруг Солнца) во многом предопределили человеческую и творческую судьбу Пришвина. Странствия, как когда-то Ап. Григорьев, он ценил за возможность чувствовать себя в дороге «в руках Божьих, а не человеческих».

Путешествие – «пост на все привычное», по словам писателя, – стало для него особым творческим поведением. Разрывая связи с привычным, путешественник, считал Пришвин, восстанавливает подлинную, глубин-ную целостность жизни, возвращается к истинной сущности мира и само-го себя. Путешествие было для него и средством «узнать свою родину», и проверкой своих сил, постижением собственного «я».

Таковыми оказались для Пришвина и оба путешествия в Азию, в Сибирь (в 1889 г. и 1909 г.). Встреча с реальной Азией, которую он назовет колыбе-лью человеческого рода, стала для него подлинным ликованием. В романе «Кашеева цепь» он пишет об этом: «И как же вдруг сердце запрыгало: вот наконец-то она, желанная Азия... куда хотелось давно убежать, открывать забытые страны, – то нельзя было попасть в нее с ужасным усилием воли, а то вот стоял себе на площадке вагона, и Азия сама пришла. Радость пере-ливается через край, хочется непременно с кем-нибудь поделиться...»

Открывая для себя новую землю, Пришвин увидит: «Сибирь – бога-тейшая страна. Сибирь – необъятное пространство. Сибирь – золотое дно, страна обетованная». «В Сибири все можно», – скажет в романе «Кашеева цепь» Иван Астахов, прототипом которого послужил дядя Пришвина И.И.Игнатов, крупнейший тюменский пароходовладелец. Пришвин пой-мет, что жизнь человека в азиатской части России разительно отличается от хорошо известной ему европейской. «Беда тому, кто приедет в Сибирь с обычным представлением о пространстве, с привычными мерами его и, значит, времени. Масштаб тут приблизительно такой: у нас десять, у них – сто, у нас – двадцать, у них – двести и т.д.»

Пришвин откроет для себя «великую сибирскую тайгу» и «великую сибирскую степь»: «На весь мир раскинулась степь, но совсем не такая, как у Кольцова, желтая, с низенькой, глазу неотличимой от песка травкой, – это бесконечная, как океан, глазастая степь-пустыня».

Великой неосвоенной пустыней, заселенной свободными, дерзкими и смелыми людьми, землей богатейших и нераскрытых возможностей предста-

ет Сибирь Пришвину в начале XX в. Однако чудесной страны мечты («Пойдешь на восток с верой в сердце, найдешь белые воды и на белых водах золотые горы») он здесь не найдет. Сибирь, таким образом, будет для него навсегда связана с важнейшей личностной и писательской темой обреченности человека на поиск «земли обетованной» и невозможности ее обретения.

Взамен мечты Пришвин находит в Сибири формулу русской жизни. Она рождается в его сознании во время переправы через Иртыш на «самолете» (так назывался «плот с колесами, как у парохода»), заполненном людьми, животными и повозками. Пришвин создает поистине библейскую картину великого переселения народов: «Плот кружится, все, кто близко, лупят нагайками усталых, изморенных лошадей, вертящих колесо самолета. Многие животные падают, одни покорно плывут рядом с плотом, другие, сильно фыркая, пробуют опять забраться на плот, и все вместе, и масса животных, и безобразно орущая масса людей, как будто все нарочно стараются поскорее разломить плот и все затопить, но плот все плывет и плывет через огромную реку».

Так в сознании Пришвина и рождается вечная, видимо, и очень созвучная нашему времени формула русской жизни: «Россия. Бесформенность, хаос и все-таки лик. Вот-вот потонем. Но плот все плывет».

Впервые в Тюмени Пришвин появился, когда был исключен из Елецкой гимназии после ссоры с В.В.Розановым, чтобы продолжить образование в Александровском реальном училище, втором, после Томского, в Сибири. Государственный архив Тюменской области сегодня хранит немало материалов, связанных с учебой Пришвина.

В Дневнике 1918 г. Пришвин так вспоминает о трех годах, проведенных в Тюмени: «Мой сибирский дядя Иван Иванович Игнатов, пароходный делец, берет меня к себе в Тюмень. Я – племянник богатейшего человека. Учусь в реальном не увлекаясь, ни хорошо, ни плохо. Стараюсь сходиться с учениками старших классов и у них выхватить умнейшую книгу (Бокля, Спенсера). Директор И.Я.Словцов – естественник, нигилист, материалист. Слывет за умнейшего человека».

Тюменский период жизни Пришвин описал в автобиографическом романе «Кашеева цепь», в третьем его звене «Золотые горы». Прототипами героев романа стали исторические лица: И.И.Игнатов, И.Я.Словцов, классный наставник Пришвина Я.И.Миллер, отец Иоанн (Лепехин) и др.

Купеческо-торговая и культурная Тюмень конца XIX в. живет в романе то в «стиле сибирской тайги», то в «стиле сибирский степей». Оба стиля вызывают изумление и юного героя романа Алпатова, и автора, описывающего эти стили в голодные 1920-е годы, и современного читателя. Так, Иван Астахов принимает гостей в своем доме «небывалом» по случаю поступления племянника в Александровское реальное училище в «стиле сибирской тайги»: «На большом столе целая бочка с икрой, обложенная

кедровыми шишками и потом дальше аршинными навагами, осетрами, стерлядями, нельмами; там дымились горячие пельмени; из кедровых темно-зеленых веток выглядывали бутылки». «Главным блюдом ужина в «стиле сибирских степей» был «целый жареный баран с букетом ковыля во рту».

Пароходчик Иван Астахов выстроил себе «двухэтажный дом с вышкой, огромный, неуклюжий и мрачный, ни на что не похоже: ни дом, ни корабль – с танцевальной залой, люстрами и канделябрами на стенах. Внизу двенадцать комнат и сверху столько же, на вышке – солнечные часы, лейденская банка и подзорная труба – смотреть в степь на пароходы и на пожары». Дом окружен тополями, к пристани ведут деревянные мостки. Юному Алпатову дом кажется похожим на речной пароход.

С реальным домом И.И.Игнатова в Тюмени на берегу Туры (современный адрес: ул.Госпаровская, д.41), который, к сожалению, давно разрушен, в жизни Пришвина связано событие, во многом предопределившее его писательскую судьбу. Во всяком случае в Дневнике он вспоминает о нем на протяжении всей жизни. Событие это было самое простое: юноша сидел у окна, а на подоконник прилетела и села обыкновенная синица. «Я вдруг почувствовал какую-то нашу связь с этой синичкой, – писал Пришвин в Дневнике 1951 г., – как будто синичка была вся природа и я был весь человек. Слова эти грубы и ничего не значат. Но чувство было так сильно, что встреча с этой синичкой осталась на всю жизнь как загадка и как задача в процессе жизни выразить в этом себя самого».

Пришвин не раз писал в Дневнике также о том, что из этого события, из глубочайшего мистического переживания, «развилось» его чувство родственного внимания к миру и вся его литература. С Тюменью, таким образом, он связывал рождение одной из главных тем своего творчества – темы человека и природы, благодаря которой он известен в мире как «великий писатель-эколог» (К.Янович -Страда).

Второй раз Пришвин был в Тюмени всего несколько дней (3-5 августа) во время своего сибирского путешествия 1909 г. В Дневнике писателя есть об этом запись: «Тюмень. Приехали ночью. На вокзале. Вспомнил два забытых имени товарищей. В Петербурге не вспомнил бы. Значит, в этом месте вспоминается и переживается по неизвестным причинам забытое, значит, есть и такое место, где можно вспомнить все. Тюмень низенькая... запах пристани».

Очевидно, что Тюмень связана с еще одной важнейшей темой творчества Пришвина – темой воспоминания, особенно значимой для двух книг писателя: «У стен града невидимого» и «За волшебным колобком». Воспоминание, по Пришвину, – путь «к разгадке всего великого мира», «возвращение к себе первоначальному», к «довременному бытию» человека и человечества. Так в творчестве писателя воссоздается ситуация, когда чело-

век постигает и переживает Божественный зов, обращенный к нему. Философ Б.П.Вышеславцев пишет об этом в книге «Вечное в русской философии»: «Призыв благодати воспринимается как «воспоминание» о чем-то родном, своем и забытом, об утраченной небесной родине».

Не исключено, что Пришвин, увидев в Тюмени город, где «вспоминается и переживается по неизвестным причинам забытое», разглядел судьбу и предназначение нашего города с его более чем четырехсотлетней историей – бережно и терпеливо хранить память о первоосновах, о древнем и вечном.

Очевидно, что историю культурной Тюмени невозможно понять без Пришвина, однако его жизнь и творчество, безусловно, больше тюменской темы.

Пришвин родился 4 февраля (23 января по ст.ст.) 1873 года в имении Хрущево Орловской губернии недалеко от старинного русского города Ельца, где, по словам писателя, «род Пришвиных считается основным купеческим родом». Елецкая земля – «физическая родина» – даст ему знание русской деревни, жизни уездного города – «коренной России». О земле этой он будет писать во многих произведениях: «У горелого пня», «У стен града невидимого (Светлое озеро)», «Заворошка», «Кашеева цепь».

В Хрущеве он услышит, как «земля дышит теплым дыханием», как бьется «зеленое сердце сада», увидит, как цветет луг, захочет «построить мир по образу этого луга с бессмертными цветами» и впервые начнет вести дневник весны, в которой он больше всего любил наступающую после праздника Солнцеворота (25 декабря) «весну света» и которая стала героиней многих его произведений: «Журавлиная родина», «Календарь природы», «Неодетая весна», «Лесная капель», «Глаза земли», «Корабельная чаша», «Осударева дорога» и др.

В Хрущеве, а затем и в Тюмени – истоки мироощущения Пришвина-художника, понимавшего свою жизнь как «служение в скромной должности хранителя ризы земли».

Создавая в 1918 г. летопись собственной жизни, Пришвин выделил в ней четыре «определяющих момента»: побег в Америку в первом классе Елецкой гимназии (1884), исключение из гимназии из-за конфликта с учителем географии В.В. Розановым (1889), увлечение марксизмом (сер. 1890-х – нач. 1900-х гг.), встреча в Париже с русской студенткой В.П. Измалковой (1902) и «последующий переворот от теории к жизни».

В побеге в Америку впервые проявилось особое присущее Пришвину «чувство дали», предопределившее его путь «бродяги-писателя», многие произведения которого возникли в результате его путешествий по родной земле.

Великий русский писатель и философ В.В. Розанов вошел в жизнь Пришвина-гимназиста учителем, благодаря которому неудача и победа

становятся мотивами и внутренней жизни ученика, и – впоследствии – его произведений («Кашеева цепь», «Жень-шень», «Фацелия», «Осударева дорога»). Розанов окажется для Пришвина в конце концов «излюбленным, самым близким человеком», с которым он на протяжении всей жизни будет вести творческий диалог о природе, человеке и Боге, о разрушительных и созидательных традициях русской культуры.

Недолгая история любви Пришвина и дочери крупного петербургского чиновника В.П. Измалковой, художественно воссозданная в автобиографическом романе «Кашеева цепь», откликнувшаяся в «Жень-шене», «Фацелии», станет источником важнейшей темы жизни и творчества писателя «вот где правда: я и Она», которая преобразится в конце концов в тему «Мы с тобой – это вся Вселенная».

Увлечение идеей «мировой катастрофы», пережитое Пришвиным-студентом Рижского политехникума, привело его к работе в марксистском кружке, аресту (1897), одиночному заключению в Митавской тюрьме. Марксизм Пришвина, который он в 1920-е годы назовет фантастическим, рождался из осознания несправедности мира и идеи его спасения, он понимался как высокое жертвенное служение ближнему, в нем особенно важен был «момент света».

«Переворот от теории к жизни», или «от революции к себе», как его еще называл Пришвин, свершился в его душе в начале 1900-х годов, когда он пришел к осознанию марксизма как идеи (теории), подменяющей жизнь, когда он переосмыслил значение лично-творческих и социально-политических сфер жизни человека и обратился к «личному творчеству жизни», которым оказалось для него творчество художественное.

«Духовной родиной» Пришвина стал Петербург, куда он приехал в 1904 г. и где с перерывами жил до 1918 г. В этот период в его жизнь вошли, каждый по-своему, А.М. Ремизов, Д.С. Мережковский, А.А. Блок, Р.В. Иванов-Разумник, А.М. Горький и др.

«Определяющие моменты» жизни Пришвина предшествуют рождению его как художника, биография которого – в истории его книг. «Я жил, как писал, и писал, как жил», – справедливо говорил он о себе. Судьба Пришвина – пример единства художника и человека в личности творца.

Доминантой художественного мира писателя является тема пути. «Жизнь наша едина, она есть путь», – писал Пришвин, считая, что «человек – это строитель пути». Подчеркивая единство своего пути, он говорил о рождении своей первой книги «В краю непуганых птиц»: «...как я боролся с собой, со всеми упреками совести русского мальчика, рожденного в колыбели отрицания, и как все-таки победил себя и написал слова в утверждение жизни. Эти слова и определили последующую жизнь как утверждение». «Жизнь как утверждение» – одна из главных (если не самая главная) формул пути Пришвина, художника и человека.

Первые произведения Пришвина «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «У стен града невидимого (Светлое озеро)», «Заворошка» родились из духовной потребности художника вернуться к самому себе, к истокам народной души, к той «глубине природы», из которой он вышел. В них возникнет мир природы и народный русский мир, увиденный, однако, глазами блудного сына, возвращающегося «к себе первоначальному» интеллигента.

В творчестве Пришвина этого периода складывается целая система символических мотивов и образов, выражающих центральную художественную идею писателя о единстве и родстве живого, о целостности мира: луг (земной, звездный, «цветов духовных»), мир-луг), сад, цветков, солнце («золотой цветок»), круглый мир (мир-круг), «великий круговорот», мир-храм и т.д. В этом ряду ключевой в книге «В краю непуганых птиц» и, видимо, во всем творчестве писателя – как исходная для него интуиция мира – символический образ водопада. Он возникает у Пришвина после встречи с «таинственной жизнью» водопадов на северной реке Выг и открытия им «чего-то общего» в их «ошеломляющем движении» и «бесконечно сложной» жизни Невского проспекта в Петербурге. Водопад – символ, в котором раскрывается представление писателя о судьбе «целого мира»: устремленность и движение мира от «гула и хаоса», увлекающего в бездну, к «божественной красоте», от кажущейся и очевидной бессмысленности к всеобъемлющему смыслу.

В первые десятилетия XX века – «перед мировой катастрофой», как Пришвин назовет войну и революцию, он живет, усваивая опыт как разрушительно-нигилистической традиции русской культуры, прежде всего культуры атеистической революционной интеллигенции, так и культуры, ориентирующейся на православие, живет между отрицанием и утверждением, сознательно выбирая созидательный путь в культуре, сохранение вечных основ жизни. «Моя натура, как я постиг это: не отрицать, а утверждать», – напишет Пришвин о себе в 1914 г.

В революционные и первые послереволюционные годы Пришвин заново пережил переворот «от революции к себе», к «личному творчеству жизни», оказавшемуся для него антитезой самоубийству и погружению в чан (образ разрушительной безликой стихии) революции. Он отказался от традиционного интеллигентского существования в пользу жизни в глубине народной России и назвал свой путь «строительством борьбы за жизнь вне идейного человека». Это был путь писателя, понявшего, что «и белые, и красные делают одно дело», и ищущего выход к внутренней духовной свободе, к личному творчеству художника в условиях несвободы внешней, в «России-тюрьме», в которой он, однако, чувствовал свет России Невидимой. Особое значение приобрела для писателя в советский период тема града Китежа, которая со-

единилась для него с мыслью о Невидимой России – «святыне Града Невидимого Отечества», служением которому стала его жизнь.

В творчестве революционных и первых послереволюционных лет Пришвин-художник встает на защиту личности, культуры и, в конечном итоге, жизни как «основы всего». В рассказе «Голубое знамя» «новому, красному» Пришвин противопоставил голубое Христово знамя, революционному насилию – сострадание невинным жертвам, идее и опыту революции – «святыню жизни живой».

В повести «Мирская чаша. 19-й года XX века», названной Л.Д.Троцким «сплошь контрреволюционной» и полностью опубликованной лишь в 1990-м г., Пришвин воссоздает судьбу народа и интеллигенции в «тяжкое», «смутное» время революции, когда переполнена чаша человеческого страдания. Писатель сопрягает Петровские и большевистские преобразования русской жизни и воспринимает революцию как «новый крест» России. Определяющая тональность повести с ее молитвенно-пророческим слогом связана с евангельским молением о чаше. Произведение звучит как молитва о России в ее страдальческой судьбе.

В 1920-е годы, когда Пришвин пытается существовать «вне идейного человека», основной категорией его сознания становится жизнь, позиция его – «философией» жизни, или, по его словам, «оправдания бытия». Начало, соединяющее времена, константа истории, с точки зрения писателя, – творчество жизни – личное, социальное, всеобщее. В основе пришвинской концепции творчества жизни – мысль о единстве, «согласии» идеи и жизни, культуры и природы, духа и материи. «Спасать мир надо не гордостью человека своим сознанием перед миром низших существ, а согласованием творчества своего сознания с творчеством бытия в единый мировой творческий акт», – писал в это время Пришвин. Концепция творчества жизни в различных ее аспектах лежит в основе почти всех произведений Пришвина 1920-1930-х годов: «Кашеева цепь», «Журавлиная родина», «Женьшень», «Календарь природы», а также его творчества 1940-1950-х годов.

В философском романе «Кашеева цепь» вновь после «Заворошки» и «Мирской чаши» Пришвин возвращается к ситуации разгромленной мужиками во время революционных событий барской усадьбы, на этот раз чтобы воссоздать историю разрушенного дома – России, понять истоки русской революции и пути интеллигенции к ней. История автобиографического героя «Кашеевой цепи» Алпатова раскрывает в романе путь русской революционной интеллигенции, разрушившей свой дом, утратившей родину и, как блудный сын, к ней возвращающейся. Возвращение интеллигенции к родине Пришвин связывает с рождением «еще неведомой, не названной» личности, соединяющей идею внутреннего духовного устройства и внешнего социального строительства.

Вместе с тем «Кашеева цепь» – философская сказка Пришвина о судьбе человека, осознающего, что «Кашей действительно бессмертен» и ищущего пути выхода из зла. Собирая фольклор во время первого путешествия на Север, Пришвин записал сказку «Лесовик» о мужике, нарушившем запрет входить в потаенную комнату, освободившем Кашея, вступившем с ним в борьбу и в конце концов победившем. Этот сказочный сюжет – «спустить с цепи» Кашея, вступить с ним в борьбу и надеяться на победу – Пришвин и отдает автобиографическому герою в романе «Кашеева цепь», над которым он работал до конца жизни. Сюжет борьбы с Кашеем становится, таким образом, сюжетом жизни самого Пришвина.

1930-е годы в русской истории XX века Пришвин воспринял как время, когда человеку в его конкретной судьбе дана была «полнота ведения» и зла, и добра в самом себе и в мире. Идея «оправдания бытия», столь важная для Пришвина 1920-х годов, соединяется в его сознании с идеей суда над бытием: мир может быть принят лишь при условии суда над ним, суда не столько человеческого, сколько Божеского – Страшного суда. Жизнь и творчество Пришвина в это время, как и в целом в советский период, определяются тяжелой, трагической борьбой за собственную личность, за внутреннего человека – «человека града Китежа» в себе, за право быть внутренне свободным художником. «Друг мой, – обращается он в Дневнике к «неведомому другу», – в советской России я как ласточка, на которую дети накинули мертвую петлю на шею, повесили, но ласточка легкая, не давится, пырхает, пырхает, и лететь, не летит, и не виснет, как мертвая».

Дневник воссоздает живую муку человека, который не хочет «подкомунивать» и не может не быть художником, причем художником, творчество которого обращено к другу-современнику. Тема сомнений, духовных потерь, нравственных мучений («Душа моя... смутная, забитая неясными упреками и вся в гвоздях») – одна из важнейших в Дневнике Пришвина советского периода, свидетельствующем о том, что, преодолевая сомнения, внутренние противоречия, он остался верным самому себе и своему назначению художника, о котором в 1930-е годы он вновь сказал: «Ничего не нарушая, исполнить».

Свой выход из ситуации «мучительства жизни» Пришвин называет «борьбой со злом на путях добра». Суть его в том, что борьба со злом, по его мнению, – это накопление сил добра, то есть не отрицание и разрушение, а созидание и утверждение и, в конечном итоге, борьба за Бога в человеке. 1937 год был вершинной точкой в дрящемся перевороте Пришвина «от революции к себе», когда «к себе» стало означать для него «к Христу». Свой путь «от революции к себе» Пришвин назовет путем «мусорного человека» к правде Христа.

В условиях всеохватного разрушения жизни Пришвин видит задачу художника в том, чтобы средствами искусства «творить будущий мир», «сгущать

добро», чтобы оно стало жить. Эта позиция обусловила нарастание в его творчестве сказочного начала, присущего уже первым произведениям писателя.

Сказкой о «золотом пути» (пути посолонь – по солнцу) человека и мира, о путешествии человека-пассажира земного корабля вокруг Солнца является «книга бытия» Пришвина «Календарь природы». В произведении, состоящем из четырех частей: «Весна», «Лето», «Осень», «Зима» – писатель возвращается к одной из ранних своих идей о мире как «великом круговороте».

Движение жизни у Пришвина – это динамика света, его рождение (воскресение) весной и умирание осенью. Жизнь мира предстает в «Календаре природы» как сложный светоритм и складывается из бесчисленного множества мгновений, каждое из которых уникально, имеет свой лик и, как это ни парадоксально, передает полноту бытия. Приведем примеры коротких «мгновений» «Календаря природы»: «В лесу за стеной будто огромный самовар закипел, это дождь и ветер раздевают деревья...» «На краю поля стоит, уши развесил, неисходимый казенный лес». «Поле глядит, лес слушает».

Важнейшие «мгновения» «Календаря природы» связаны с рассказами о собаках («Анчар», «Ярик», «Любовь Ярика», «Верный», «Кэт» и др.) – классикой русского охотничьего рассказа.

В «Календаре природы» смысл мира являет себя в своем «бессмертном качестве» – радости жизни. Свет и радость – сокровенная глубина мира, существующего в страдании, зле, разрушении, смерти. И хотя история человечества трагична, но каждый человек, считал Пришвин, в своей собственной жизни может и должен творческим усилием духа найти выход из зла и страдания к радости, «лучше которой нет ничего на земле». Поэтому важнейшей и произведении, как и в целом в творчестве писателя, становится тема спасения, выхода из зла.

В 1940-1950-е годы пришевская позиция борьбы со злом на путях добра приобретает новые акценты, что связано с его религиозным переворотом 1937-1940-го годов, наиболее полно отраженным и дневниковой книге «Мы с тобой», впервые опубликованной в 1996 г. В центре «нового сознания» Пришвина идея преобразования, участия человека в строительстве мира – храма, дома жизни. От неучастия в современности, свободы «поверх красных и белых», от противопоставления «я» и «они» Пришвин приходит к понятию «мы» (мы с тобой) и необходимости участия каждого в общем деле создания дома жизни, создания его там и в тех условиях, в которых оказался русский человек к середине XX века.

Произведения Пришвина, в которых наиболее полно выразилось его «новое сознание», или публиковались с большим трудом («Лесная капель»), или не печатались и вышли в свет уже после смерти писателя («Повесть нашего времени», «Корабельная чаша», «Осударева дорога»). В «Повести нашего времени», одной из вершин философской прозы При-

Тюменский государственный университет
Библиотечно-музейный комплекс

швина, исследуются возможности и тупики двух путей русского человека в «небывалом» XX веке. Один путь – религиозный, путь послушания и веры, внутренней свободы и устройства души, служения ближнему и прощения врагу. Другой путь – революционный, богоборческий, связанный с коммунистической идеей – идеей «любви к человеку» и справедливого устройства его жизни на земле «внешними средствами» и без всякого участия «неба» в этом деле. Пришвин говорит о необходимости синтеза этих путей, однако синтез этот, с которым писатель связывал перспективы русской истории, он мыслит только на основе веры, на основе православия.

«Повесть нашего времени» писатель создавал вместе с тем и как современную «Песнь песней», тема любви является здесь важнейшей, ибо Пришвин верил, что «древний Бог, наказавший человека изгнанием», возвращает любящим «свое благоволение и передает в их собственные руки продолжение великолепного творчества мира, прерванного непослушанием». В «Повести нашего времени» писатель вновь возвращается к символическим образам Целого: лугу (лугу голубых цветочков), саду. Творчество мира, строительство дома жизни, с его точки зрения, подобно труду садовника, который, как и сам Великий Садовник, Творец, «любит всех, но каждого – больше».

В творчестве позднего Пришвина, верящего: «мы с тобой – это вся Вселенная», появляются новые символы целого: кладовая солнца, мировой хор, в котором у каждого своя песня. Русскую песню, например, Пришвин слышит как песню сверчка. Многочисленные символы целого так или иначе связаны у Пришвина с всеобъемлющим образом мира-храма, где от сотворения мира и донныне непрерывно идет богослужение, в котором участвует все живое. Соединяет все символические образы целого главное в мироощущении Пришвина – «любовь как радость о бытии другого». «И все творчество в указании: указываю, смотрите туда, там вечная радость», – писал Пришвин, осмысляя свой путь незадолго до смерти.